

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕСНА
2016-го

Возможно ли с уверенностью сказать, что тебе ненавистно больше всего на свете? Естественно, все зависит от того, насколько близко маячит объект ненависти и чем тебе досаждают: требует ли, чтобы его разложили по полочкам, выслушали, съели? Вот она сама, например, содрогается от необходимости разбирать со старшекласниками творчество Агаты Кристи, заведомо ненавидит любого министра просвещения в правительстве консерваторов, лезет на стенку от воя трубы, на которой учится играть младший сын, испытывает тошноту от любых блюд из печени, от вида крови, от телевизионных реалити-шоу, от музыки грайм и от набивших оскомину затертых умозрительных штампов: глобальное обнищание, война, неминуемая гибель планеты и тому подобное. Последние, конечно, не имеют к ней прямого отношения, разве что неминуемая гибель планеты, да и та еще где-то далеко. Но в данный момент все эти раздражители отошли для нее на второй план. Сейчас, морозным субботним утром, в четверть двенадцатого, наибольшее отторжение вызывали бесконечные разглагольствования Эммы Бейкер на сексуальные темы в очереди за мясом.

В последнее время она предпринимала осторожные попытки сойти с той орбиты, на которой вращалась Эмма, но размежевание продвигалось незаметными темпами и, по мрачным прикидкам, могло затянуться лет на пять. Познакомились они давно — их дети еще ходили в прогулочную группу; одна сторона пригласила другую на ужин, другая из вежливости ответила тем же — и пошло-поехало. Дети в ту пору отличались мало. Они еще не сформировались как личности, а родители пока не решили, какими хотят их вырастить. Эмма с мужем определили своих отпрысков в частную школу, и в итоге сыновья Люси объявили их задаваками. Светское общение неизбежно угасло, но куда же деваться, если живешь по соседству и сталкиваешься в магазинах.

Очередь дошла до самого ненавистного предела, когда ты оказываешься прямо у входных дверей, которые зимой держат закрытыми, и должна принять решение: можно уже просочиться внутрь или еще нет. Пospешишь — и будешь жаться к чьей-нибудь спине под тревожными взглядами блюстителей очередности; замешкаешься — и сзади, образно говоря, тебя непременно обсигналят за нерешительность. Последует вежливое: «Может быть, вам уже...» или «Там, кажется, стало посвободней». Примерно то же самое происходит на перекрестке, где необходим навык агрессивного вождения. Впрочем, когда она садилась за руль, ей могли сигналить сколько угодно. Стекло и металл отделяли ее от других водителей: те пронесутся мимо — и с концами. Но здесь-то соседи. Их понукания и косые

взгляды донимают ее каждую субботу. Можно, конечно, закупаться в супермаркете, но как тогда «Поддержать Малый Бизнес»?

Да к тому же владелец мясного магазина знал свое дело, а потому она готова была мириться с наценкой. От рыбы и овощей ее сыновья воротили нос, и она нехотя признала, что не стоит пичкать их антибиотиками, гормонами и прочими гадостями, которыми нашпиговано дешевое мясо, грозящее когда-нибудь превратить ее мальчиков в восточноевропейских чемпионов по тяжелой атлетике среди женщин (нет, она, конечно, готова понять и принять любое их решение. Но зачем же своими руками подталкивать их к такой судьбе?). Сыновья привыкли есть мясо, и этому содействовал Пол. Скупердяем он никогда не был. И признавал, что кругом виноват. Оставлял себе прожиточный минимум, если не меньше, а львиную долю средств отдавал ей.

До щекотливого момента входа-выхода оставалось еще минут десять. Привлеченные соотношением цены и качества, жители этого лондонского пригорода выстраивались в длиннющие очереди к частникам, а дождавшись до прилавка, не спешили с выбором. И в этой обстановке Эмму Бейкер, как назло, тянуло на интимные разговоры.

— А знаешь что? Я тебе завидую, — изрекла она.

Люси не ответила. Единственным ее оружием осталось немногословие. Со стороны оно могло показаться безрезультатным, поскольку этот словесный

поток не иссякал, но стоило дать слабинку — и ручеек превращался в неудержимую лавину.

— Для тебя нынче возможен секс с теми, кого ты раньше даже представить не могла в своей постели.

Люси не считала подобную перспективу слишком уж завидной: если в ее жизни такое произойдет, вряд ли можно будет расценивать это как достижение. В конце-то концов, такая возможность открыта для любого дееспособного человека, стремится он к ней или нет. Но статус Люси как свободной женщины не давал Эмме покоя: раз за разом ее будто тянули за язык. Для Эммы, которая за долгие годы супружества ни разу не попыталась ни скрыть, ни оправдать полную несостоятельность своего мужа как в спальне, так и в любом другом пространстве, развод означал только одно — секс, а Люси думала: вот ведь парадокс и/или глупость, ведь ее собственный опыт доказывал, что развод — это как раз отсутствие секса. Иными словами, одиночество Люси служило экраном, на который Эмма проецировала свои бесконечные фантазии.

— Чего ты ищешь? В мужчине?

Очередь притихла: то ли в действительности, то ли в воображении Люси.

— Ничего я не ищу. Ничего.

— Тогда зачем сближаться?

— Абсолютно незачем.

В этих ответах крылся лишь небольшой фрагмент очень длинной истории. А из любой длинной истории можно наугад выдернуть слова «ничего», «не», «зачем» и наделить их таким смыслом, который иронически перевернет все задумки рассказчика.

- Опрятности, — неожиданно вырвалось у Люси.
- То есть?
- Ты спросила, чего я ищу.
- Брось, подруга. Ты достойна большего.
- Опрятность — важное качество.
- Разве для тебя не важно, чтобы он был привлекателен? Остроумен? Без материальных проблем? Хорош в постели? Чтобы не сдувался в решающий момент? Чтобы любил оральный секс?

Сзади кто-то прыснул. Поскольку очередь к этому времени полностью умолкла, хохоток, по всей вероятности, вызвала Эмма.

- Нет.

И вновь лапидарный ответ не сказал всей правды, даже малой толики.

- А я бы искала именно такого.
- Я узнаю про Дэвида больше, чем хотелось бы.
- Ну, он аккуратист, этого не отнимешь. Благоухает, как Джеймс Бонд.

— Вот смотри. У него ведь нет ни одного из тех достоинств, на которые ты меня нацелила, однако сама его не бросаешь.

Если вдуматься — а она, вообще говоря, впервые задумалась об этом только в начале недели, — опрятность действительно важнее чуть ли не всех качеств, приходивших ей в голову. Допустим, Эмма сумеет найти для нее потенциального партнера, отвечающего чертами характера и личности самым высоким требованиям или — как минимум — тем, что Люси, вконец растерявшись, могла бы с ходу назвать в очереди за мясом. Допустим, скоро выяснится, что этот фантастический

мужчина любит живые цветы и фильмы Асгара Фархади¹, предпочитает городскую жизнь загородной, читает книги — нормальную литературу, а не романы про террористов и подводные лодки, умеет — да, умеет! — доставлять и получать удовольствие от орального секса, по-доброму относится к ее сыновьям, что этот рослый, красивый, платежеспособный брюнет исповедует либеральные взгляды, наделен чувством юмора и мужским обаянием.

И вот в один прекрасный день он пригласит ее на ужин в какое-нибудь неброское, шикарное, модное заведение, и при встрече она сразу почувствует, что от него дурно пахнет. Понятно же, правда, что на этом история закончится. Неопрятность перечеркивает все остальное. Равно как и злоба, и судимость (даже предполагаемая) за домашнее насилие, и расовая нетерпимость. Не говоря уж об алкоголизме и наркомании, но это само собой разумеется, особенно после всего, что выпало на ее долю. Отсутствие негатива куда важнее любого позитива.

Люси мрачно подумала, что испытание уже совсем близко. За дверью, как она успела заметить, царил хаос. Там очередь раздваивалась, и оба хвоста упирались в дальний торец мясной лавки, так что проблема не сводилась к тому, чтобы всего-навсего протиснуться внутрь. Сразу за дверью жались люди из середины очереди, именно здесь эта змея изгибалась, а значит, чтобы протиснуться в конец, нужно было поработать лок-

---

¹ *Асгар Фархади* (р. 1972) — иранский кинорежиссер, лауреат «Золотого медведя», двух «Оскаров» и премии ВАФТА.

тями, так как скопище покупателей превратилось из упорядоченной линии в плотную толпу, где получить хорошего тычка могла не только преградившая путь старая гвардия, но и сама непрошенная конкурентка.

— Думаю, мы обе поместимся, — сказала Эмма.

— Там и для одной места не хватит, — возразила Люси.

— Вперед.

— Не надо, прошу тебя.

— Кажется, вам уже пора заходить, — поторопила женщина, стоявшая за ними.

— Я только что сказала подруге, что это невозможно, — отрезала Люси.

Из магазина вывалилась парочка с лопающимися пластиковыми пакетами, откуда торчали кровавые мясные оковалки: умнешь такие припасы за неделю — и заработаешь тяжелое сердечно-сосудистое заболевание вкупе с раком желудка, зато в следующий раз субботняя очередь станет чуть короче.

Эмма толкнула дверь и вошла.

— Мало того, что она к вам примазалась, — сказала женщина сзади.

Об этом Люси успела забыть.

— Так теперь где она — а где вы.

Здесь явно чувствовался какой-то намек.

Набрать мяса на сто двенадцать фунтов — это сильно. Джозеф прикидывал в уме, на чем эта парочка захочет сэкономить: откажется ли, к примеру, от бифштексов из вырезки или от филейных рулетов, но нет. Услыхав стоимость, те двое и бровью не повели. Когда

ему впервые довелось озвучить покупательнице трехзначную сумму, он сделал виноватую мину, больше похожую на гримасу, как будто готовился причинить той дамочке реальные физические муки. Но она, как он понял, нисколько не мучилась, и его кольнуло такое чувство, что он малость оплошал. Когда в следующий раз возникла сходная ситуация, он не стушевался, зато покупатель начал егозить: мол, родня приезжает, а иначе он не стал бы так шиковать, не по карману ему, то-се, пятое-десятое. На районе публика живет не особо рафинированная, ходят в джинсах, говорок простецкий — до принца Чарльза им далеко, но денежки у людей водятся, отчего порой даже непонятки возникают. Джозефу, по правде говоря, все это побоку. Он цель поставил: заполнить для себя все то, что есть у них, и не сомневался, что у него получится. Заработок его в мясной лавке — сто десять фунтов в день, но это вовсе не значит, что он должен косо смотреть на тех, кто покупает мяса на сто двенадцать.

Сейчас его другое беспокоило: когда «трехзначная» парочка вышла, в торговый зал втиснулась горластая блондинка. Вот где реальная холера, причем какая: по субботам эта тетка начинала с ним заигрывать, отпускала шуточки насчет сосисок и удлиненной корейки, а Джозеф не знал, что в таких случаях полагается отвечать или делать, а потому просто растягивал губы в улыбке. Поначалу он пробовал уйти в сторону, чтобы ее не обслуживать, но вскоре понял, что это еще хуже: она даже не смотрела на того, кто отпускал ей то-

вар, будь то Кэсс, или Крейг, или еще кто, и, повернувшись к нему, все хохмила насчет сосисок. Это была невероятная стыдоба, поскольку участниками таких сцен становились сам Джозеф, покупатель, которого он в данный момент обслуживал, эта горластая тетка и тот продавец, которому довелось обслуживать ее. Но если верно рассчитать время, холеру удавалось свести к минимуму.

Особо изощряться ему не пришлось. Она оказалась его следующей покупательницей.

— Доброе утро, Джо.

Какой он ей Джо? Он Джозеф. У него на бейдже так и написано. Однако в последнее время эта тетка решила сократить дистанцию.

— Чего желаете?

— Ах да. Вопрос, конечно, интересный.

По крайней мере, сообразила ответить негромко — услышали человека три-четыре, не более: стоявшие непосредственно рядом и сзади. Все устремили глаза на него: посмотреть, будет ли он ей подыгрывать. Он улыбнулся этой крикунье одними губами.

— Я озорница, сама знаю, — сказала та. — Не упускаю возможности пошалить. Дайте-ка мне полдюжины свиных сарделек с луком-пореем. А этих сырых колбасок, с репчатым луком, не надо.

Даже это задумывалось как шуточка.

— Понял.

Он отпустил ей сардельки, потом несколько антрекотов и под конец — четыре куриные грудки. Она уже

собиралась высказаться о грудках как таковых, но он это почуял и ушел в сторону:

— Кэсс, попроси там, чтобы филе вынесли.

— Люси!

Крикунья-блондинка жестами звала свою подругу протиснуться к прилавку, но подруга, темноволосая, более миниатюрная и симпатичная, со смущенным видом отмахнулась. Сценка напоминала эпизод из фильма, где в очереди сошлись близкие подруги, а по сути — полные противоположности.

— Подожди меня на улице, — ответила Люси.

Шумная блондинка удрученно покачала головой, словно подразумевая, что отказ растолкать покупателей и пролезть без очереди может исходить лишь от полной неудачницы, потерпевшей крах во всех житейских сферах.

— Горбатого могила исправит, — сказала Горластая, вводя свой ПИН-код, и подняла взгляд на Джозефа.

Тот едва не содрогнулся.

— Сладенький, так бы его и съела, — сказала Эмма, выйдя на свежий воздух.

— Кто?

— Джо. Парнишка, который меня обслуживал.

— Не сказала бы, что он так уж рвется быть съеденным.

— Он просто не знает, как я могу его приготовить.

Люси подумала, что метафора не самая удачная. Если узнать, каким способом тебя собираются зажарить или сварить, вряд ли перспектива быть употребленным в пищу станет от этого более радужной.

— Он тебе никого не напоминает? Какого-то секс-символа: киногероя или певца?

— Ну, не знаю.

— А я знаю.

Люси хорошо представляла ее горизонты — достаточно узкие. Наверняка продавца сейчас ожидало сравнение с молодым Идрисом Эльбой или, столь же вероятно, с молодым Уиллом Смитом.

— Вылитый Дензел Вашингтон в молодости, — сказала Эмма. — Неужели не очевидно?

— Нисколько, — ответила Люси. — Но я понимаю: из трех чернокожих лиц, которые хранит твой банк памяти, Дензел Вашингтон в юности был, наверное, отдаленно похож на него.

— Почему же из трех, я и больше могу назвать. Но выбрала того, который реально смахивает на этого парня.

Время от времени Эмма занималась дизайном интерьеров, но, оказавшись у нее в клиентах чернокожий, Люси была бы поражена до глубины души. А иные области, которые могли бы обеспечить объекты для сравнения — спорт, музыка, литература, даже политика, — Эмма игнорировала как класс. Общаясь с учениками и коллегами, Люси поняла, сколь глубоко въедаются подобные взгляды, но как подступиться к этой теме, если перед тобой зашоренная и бездумная личность? Да никак; Люси и планов таких не строила.

Домой они шли вместе. Эмма жила немного дальше, через две улицы, в одном из больших особняков на склоне холма. Когда-то они были соседками, но Люси

с сыновьями переехала после семейного раскола в более скромное жилище.

— Ребят на выходные к Полу отправила?

— Да.

— Значит, если все сложится, то вечерком ты...

— Вечерком я не собираюсь ни с кем ложиться в постель.

— Не зарекайся.

— Ты когда-нибудь изменяла Дэвиду?

— Люси! Ну, ты вообще!

— А в чем дело?

— Ничего себе вопросы!

— А что такого?

— Это слишком личное.

Эмма не хотела признаваться (хотя для Люси это не было тайной), что на протяжении всех лет своего брака хранит безраздельную верность мужу. В том-то и заключалась ее глубинная, темная тайна: невзирая на трескотню о желании съесть кого-нибудь сладенького, на шутки по поводу рулетиков из корейки, Эмма никогда не переступала черту — и не собиралась. Да, в этом виделась полная безысходность, но, если смотреть правде в глаза, она принадлежала к той породе замужних женщин, удрученных жизнью и тоской, которые не оставляют надежды окрутить какого-нибудь юнца. Впрочем, что в этом плохого? Иначе совсем закиснешь.

— Тогда почему мою интимную жизнь обсуждать можно, а твою нельзя?

— Потому, что ты не замужем.

— У незамужних тоже бывают сугубо личные дела.